

С. В. Бурмистрова

ЛЮБОВНО-СЕМЕЙНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

Исследуется русская литература 1840–60-х гг. в контексте идейно-философского дискурса о любви и браке, рассматривается поэтика любовного сюжета в произведениях писателей первого ряда и беллетристов.

Ключевые слова: *гендерные исследования, феминизм, патриархатная ментальность, философия пола, беллетристика, литературоведческая компаративистика, диалог культур.*

В 1840–60-е гг. в российском обществе отчетливо обозначился кризис института семьи и брака. При этом именно с реформированием семейного союза, раскрепощением женщины, изменением представлений о ее предназначении связывали возможность преобразования общества в целом. М. Л. Михайлов в публицистической статье «Парижские письма» (1859) писал: «Вопрос о положении и об организации семейства есть один из самых насущных вопросов нашего времени. Только от его разрешения зависят твердые и правильные успехи цивилизации» [1, с. 163].

Возникшая в 1840-е гг. дискуссия о природе любви и нравственной стороне супружеского союза разделила российскую общественность на два противоположных лагеря; представители одного из них отстаивали патриархатную модель брачно-семейных отношений, а ко второму относились апологеты новой этики любви и брака.

Патриархатная модель брака и семьи, как правило, объединяет две несовместимые по своей сущности традиции: христианскую и собственно патриархатную. Такое наложение объясняется тем, что христианская догматика послужила базисом для становления патриархатной формы брачно-семейных отношений. При этом патриархатная логика, используя только внешнюю атрибутику христианского учения о браке, исказила его ровно в той мере, в какой это потребовалось для утверждения «модели одного пола», т. е. андроцентричной концепции бытия.

В христианском учении брак рассматривается как «таинство любви» и сопоставляется с образом союза Христа и Церкви. В теологическом плане христианский брак ориентирован не столько на продолжение рода и удовлетворение временных природных потребностей – все это вторично, – но на воспитание в супругах совершенной любви, о которой апостол Павел говорил: «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла... Все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает» [2, с. 1256]. Поэтому брак – это не итог любви, но это – возможность возрастания в совершенной любви, которая необходима человеку для воссоединения с Богом. Согласно христианской этике, в

браке происходит онтологическое и мистическое сочетание супругов в единую плоть. В этой связи органичной представляется идея нерасторжимости брака, так как развод в данном случае означает рассечение единой плоти.

Однако в 1840-е гг. христианская концепция отношения полов не имела большого распространения по той причине, что надежды на преодоление кризиса в интимной сфере человеческой жизни возлагались преимущественно на нетрадиционные подходы к ее объяснению (хотя отдельные элементы христианской концепции вошли в содержание новых моделей любви и брака). Кроме того, христианская традиция брачно-семейных отношений практически не функционировала в российском обществе в чистом виде, но, как правило, в том варианте, который возник в результате ее интерпретации патриархатной ментальностью.

Патриархатная форма организации супружеского союза складывалась в российской культуре на протяжении нескольких столетий. Качественное изменение в отношении к браку отчетливо обозначилось в XVII в., когда брак стал осознаться не как «таинство любви», но всего лишь как частная сделка. Поскольку супружеские отношения воспринимались уже не как духовно-душевно-телесное единство, а только как «единство телесное», в лучшем случае как душевно-телесное, то они соответственно лишались мистического смысла. Если необходимым условием и одновременно целью христианского брака являлась любовь (к человеку и Богу), то в патриархатной модели она утрачивает свое первостепенное значение, а чаще нивелируется вовсе.

Патриархатная семья являет собой жесткую иерархическую систему, в которой строго дифференцированы функции мужчины и женщины. Мужчина объявляется безусловным авторитетом, а женщина является только резонатором, «придатком» мужа. Власть отца в семье абсолютна. Тотальность отцовской власти (вообще мужчины) обуславливает асимметричность созданного в логике патриархата варианта семьи. В связи с этим М. Петрашевский, связывавший главную причину дисгармоничности любовных и внутрисемейных отношений с доминированием мужчины, настаивал на необходимости «исхода из страны отцов» [3, с. 171].

Начиная с 1840-х гг. в России наряду с уже существующими христианской и патриархальной традициями формируется новая этика любви и супружеского союза. Под воздействием философии французского утопического и христианского социализма, а также художественного творчества Жорж Санд, в котором выражался протест против стереотипных представлений о женщине и той ущербной роли, которую она играла в семье и обществе, часть российской интеллигенции (прежде всего те, кого называли «западниками») попыталась сформировать новые модели поведения мужчины и женщины в любви и браке.

Общегуманистический пафос отношения к семье и браку, характерный для теорий А. Сен-Симона, П. Леру, Ш. Фурье, В. Консидерана, Э. Кабе и др., не мог не найти отклика у российских мыслителей. Так, в доктрине П. Леру привлекала идея равенства полов и реабилитация плоти. Согласно Леру, Бог, являясь абсолютной любовью, добром, не мог сотворить ничего несовершенного, ущербного. Физический план бытия, так же как и духовный, имеет божественное происхождение и уже в силу этого не может быть злом, грехом. Равнозначные творения Бога – мужчина и женщина – не имеют оснований для того, чтобы регулировать отношения между собой по принципу доминирования, подчинения, – считал философ.

Вышедшая в 1840 г. книга Э. Кабе «Путешествие в Икарию» вызвала живой интерес в России. В этой книге большое внимание уделено вопросам о браке, семейных взаимоотношениях. В утопическом государстве Икария в супружескую связь вступают добровольно при условии взаимного психофизиологического влечения и духовной общности мужчины и женщины. Приданое и наследство не играют там никакой роли, важны только личные достоинства будущих супругов. Основу семейного счастья составляют не только духовное родство, но и труд, причем женщина трудится наравне с мужчиной. Социальная гармония возникает как результат благополучия каждой отдельной семьи. Система воспитания, сочетающая физический и нравственный аспекты, разделяется на домашнее, осуществляемое родителями, и общественное, находящееся под контролем школы. Тем не менее в Икарии женский психокосм все-таки не представлял самостоятельной ценности, поскольку главная цель воспитания и образования женщины заключалась в том, чтобы ей были близки и понятны умственные интересы мужа и она действительно смогла бы стать его полноценной спутницей.

Ш. Фурье, ставший культовым автором для большинства «петрашевцев», в своем учении резко критиковал буржуазный брак и семью, основанные на расчете и фальши, и настаивал на упразднении этих общественных институтов. В «теории страстей» Фурье страсть рассматривается как определяющее свойство человеческой природы. В новом мире, считал французский утопист, брак будет представлять собой

свободно заключаемый и расторгаемый союз, что обеспечит наилучшее сочетание индивидуумов, а также освобождение женщины. В то же время семья утратит всякое значение [4, с. 113–214, 484–579].

Еще раньше Белинский в письме к Боткину от 8 сентября 1841 г. высказал мысль, сходную с идеями Фурье, о том, что для освобождения человеческой личности необходимо отказаться от семейного союза: «И настанет время – я горячо верю этому... когда не будет бессмысленных форм и обрядов, не будет договоров и условий на чувство, не будет долга и обязанностей, и воля будет уступать не воле, а одной любви; когда не будет мужей и жен, и будут любовники и любовницы, и когда любовница придет к любовнику и скажет: “Я люблю другого”, любовник ответит: “Я не могу быть счастлив без тебя, я буду страдать всю жизнь; но ступай к тому, кого ты любишь”, и не примет ее жертвы, если по великодушию она захочет остаться с ним, но, подобно Богу, скажет ей: “Хочу милости, а не жертвы...”. Женщина не будет рабою общества, но, подобно мужчине, свободно будет предаваться своей склонности, не теряя доброго имени, этого чудовища – условного понятия» [5, с. 71].

И все-таки в 1840-е гг. звучало больше призывов не к уничтожению семейного и супружеского союзов, но к их преобразованию. Мощный импульс к переосмыслению традиционных моделей брачно-семейных отношений дала Жорж Санд, ее личность и художественное творчество. Французская романистка при этом «сделалась символом освобождения женщины, лозунгом борьбы против векового гнета» [6, с. 32]. Следует заметить, что для российских читательниц, большинство из которых не имело возможности непосредственного изучения философской литературы, романы Жорж Санд были едва ли не единственным источником знакомства с новейшими представлениями о любви и браке. Тем более что Жорж Санд, хорошо знавшая сочинения Локка, Руссо, Мабли, Лейбница, Сен-Симона, Фурье, Леру, Ламенне, «очень остро чувствовала моральный аспект философских и идеологических учений и умела талантливо его популяризировать» [7, с. 22]. При всей эклектичности мировоззрения французской писательницы важную роль в нем играли идеи утопического и христианского социализма. Философия любви Жорж Санд включала теории А. Сен-Симона (реабилитация плоти), П. Леру (равенство полов в любви), Ш. Фурье (гармония страстей) и др. Брачный союз, основанный на расчете или только на чувственном влечении, по мысли Жорж Санд, враждебен самой природе супружеской любви, понимаемой как абсолютное единство тела и души, мужчины и женщины.

В 1860-е гг. отчетливо проявились основные противоречия процесса женской эмансипации в российской действительности, обусловленные как психологической неподготовленностью самой женщины к

самостоятельности, так и отсутствием необходимой законодательной и морально-этической базы в обществе. Так, С. С. Шашков писал в конце XIX в.: «Но наше грубое невежество и азиатская барственность общественного быта... были причиной того, что чистая идея свободного чувства при первых опытах ее акклиматизации на русской почве дала нехорошие плоды. Соблазнить девушку, увлечь, ради минутной прихоти, замужнюю женщину, завязать связь с какой-нибудь модисткой или горничной и, когда надоест, бросить ее, – это сплошь и рядом выдавалось за практическое приложение принципов жоржзандизма» [8, с. 850].

Во второй половине XIX в. продолжает развиваться прогрессистская концепция любви и брака, выработанная в 1840-е гг. на основе философии утопического и христианского социализма. В то же время настойчиво заявляет о себе радикальная точка зрения, выражающаяся в отрицании семейного союза и взаимных обязательств мужчины и женщины в брачных отношениях. Т. А. Богданович в книге «Любовь людей шестидесятых годов» очень точно охарактеризовала подход представителей этого поколения к проблемам интимной сферы человеческой жизни. Люди 60-х гг. полагали, что семью и любовь «надо очистить от мусора отживших понятий и заново построить на новых разумных началах. <...> Их не удовлетворяло искание новой формы для старых чувств. Они считали возможным изменить самые чувства» [9, с. 12]. Шестидесятники, всецело отвергавшие существующую действительность как недолжную, стремились одновременно компенсировать свое отрицание за счет переустройства этой действительности. Поэтому аксиологическое пространство эпохи определяется не только такими понятиями, как «нигилизм», «атеизм», «материализм», но и теориями сотворения нового мира (построение царства Божия на земле) и воспитания нового человека. Готовность шестидесятников действовать любыми способами во имя «всеобщей гармонии» объясняет возникновение таких явлений, как фиктивный брак и коммуна.

Н. Г. Чернышевский, один из наиболее ярких представителей поколения шестидесятников, утверждал идею самопожертвования в любви, восходящую к жоржсандовской этике. Мечтая всю жизнь «любить только одну женщину», быть верным ей «не только после брака, но и раньше брака», он был готов переступить через собственные чувства ради счастья возлюбленной. Накануне свадьбы он изложил будущей жене свои представления о любви и браке, которые, заметим, обнаруживают явное сходство с сюжетно-образными приметами романа Жорж Санд «Жак». С точки зрения Чернышевского, муж не должен ни в чем притеснять жену, только равноправие может быть основой счастья; он дает ей свободу чувств и обещает не упрекать, если жена полюбит другого или даже покинет мужа ради новой любви. Развивая идею стра-

стей Фурье, Чернышевский также полагал, что путь к гармонизации отношений между людьми лежит через следование влечению своей натуры и через отрицание долга, который меняется в каждом столетии и в каждой области.

Очевидная противоречивость шестидесятников в решении проблемы реформирования любовного и семейного союза была обусловлена характерным для их философии несоответствием между принципами уважения к свободе, естественным правам личности, любви к человечеству и интенцией к эвдемонизму, нигилизму, редукции духовной жизни человека. Эту противоречивость уже в 1860-е гг. отмечали многие из тех, кто не был вовлечен «в круговорот демократической среды». И все же в общественном сознании вожди шестидесятников воспринимались как образцы для подражания. А. М. Скабичевский вспоминает, что каждое слово Чернышевского «считалось в то время законом», а по роману «Что делать?» устраивали частную и семейную жизнь [10, с. 248, 250].

Но если вожди прилагали максимальные усилия для создания и реализации программ по формированию совершенного человека и совершенного мира, то большая часть последователей новой идеологии была ориентирована только на «потребление готовых истин», в результате чего страдала как сама идеология, так и ее адепты.

Современные исследователи склонны оценивать этическую концепцию шестидесятников как амбивалентную, имеющую как негативные, так и позитивные проявления. И. Б. Павлова, например, указывает на контраст между идеалом шестидесятников и их жизнестроительством. Их взгляды, по ее мнению, «оказались несоответствующими основам семейного, брачного союза, даже враждебными им. <...> Попытки воплотить в реальности идеи романа “Что делать?” вызвали гораздо более отрицательных проявлений, чем положительных, сопровождалась изломанными судьбами» [11, с. 77–78].

Идейно-философский дискурс 1840–60-х гг. оказал непосредственное влияние на художественную литературу этого периода. «В 40-е годы, – отмечает В. Кулешов, – было создано много повестей об эмансипации с любовными сюжетами» [12, с. 166]. Однако следует уточнить, что подобные произведения стали появляться еще в 1830-е гг. Так, Пушкин в «Рославле» и «Романе в письмах» (1830) одним из первых поставил вопрос об образовании женщины, ее положении в семье. При этом у Пушкина поборниками женских прав выступали и мужчины, и сами женщины, как, например, Полина, незаурядная девушка, протестующая против ограничения женской деятельности рамками семейных обязанностей; или герой «Романа в письмах», ратующий за широту умственного кругозора женщины.

В. Ф. Одоевский в повестях «Княжна Мими» (1834), «Княжна Зизи» (1839) также коснулся вопро-

са о положении женщины в современной жизни. Главной героиней повести «Княжна Мими» Одоевский сделал «старую деву», «сплетницу», т. е. женский персонаж, который никогда не занимал центральное положение в романтической светской повести. Однако Мими не всегда была такой: в молодости она была «недурна собой», но «не имела никакого определенного характера». Развитие сюжетной линии княжны Мими отражает основные вехи процесса превращения заурядной светской девушки в одного из членов того «страшного общества», «управляющего общественным мнением», которое «судит на жизнь и на смерть и никогда не переменяет своих приговоров» [13, с. 331]. Главную причину нравственного изменения героини писатель видит в условиях ее жизни, где единственная цель и смысл женского существования – замужество. Светскую девушку «учат танцевать, рисовать, музыке для того, чтобы она могла выйти замуж; ее одевают, вывозят в свет и заставляют молиться Господу Богу, чтобы только скорее выйти замуж. Это предел и начало ее жизни. Это самая жизнь ее» [13, с. 339–340]. Но Мими не смогла сделать ни «доброю женою», ни «доброю матерью семейства», т. е. ее бытие утратило всякий смысл, стало почти фантомным, и сама она едва не оказалась за пределами установленного для женщины жизненного пространства. «Часто на бале она не знала, куда пристать, – к девушкам или к замужним, – не мудро: Мими была не замужем! Хозяйка встречала ее с холодной учтивостью, смотрела на нее как на лишнюю мебель и не знала, что сказать ей, потому что Мими не выходила замуж» [13, с. 332–333].

Общество, таким образом, спровоцировало «порчу» молодой девушки: «Каждый день ее самолюбие было оскорблено... Каждый день досада, злоба, зависть, мстительность мало-помалу портили ее сердце», пока оно не извратилось настолько, что присвоило себе право судить людей, лицемерить, клеветать. Именно с этого момента княжна Мими обрела «действительную власть в гостиных, многие боялись ее и старались не ссориться с нею» [13, с. 333–334].

В литературе 1830-х гг. можно выделить целый корпус текстов, в которых так или иначе развивалась мысль о поверхностности, пустоте и бесполезности существующей системы женского воспитания и образования, а также идея о том, что в светской среде невозможно искренняя, верная любовь мужчины и женщины. Прежде всего следует назвать такие произведения, как «Спальня светской женщины» (1834) И. Панаева, «Катенька Пылаева, моя будущая жена» (1836) и «Антонина» (1836) П. Кудрявцева, «Мамзель Катись, или Ловля женихов» (1838) П. Ефеговского, «Большой свет» (1840) и «Аптекарьша» (1841) В. Соллогуба и др. Однако позиция авторов этих сочинений базировалась на традиционных представлениях о роли мужчины и женщины в семье и браке, что определяло моделирование однообразных и схематичных сюжетов о любви.

Начиная с 1840-х гг. в русской литературе появляются произведения с любовными сюжетами, обнаруживающими инновационные коллизии и ситуации. Так, одна из сюжетных линий повести И. Панаева «Актеон» (1842) основана на истории любви замужней женщины к человеку, близкому ей по духовным интересам. Героиня повести П. Кудрявцева «Последний визит» (1844) Анна Михайловна, так же как и героиня Панаева, вынуждена жить в браке с грубым и чуждым ей по духу человеком. Возникшее в ее сердце любовное чувство к Роману Петровичу, хозяину близлежащего поместья, автор объясняет потребностью молодой женщины в общении с мужчиной, родственным ей по интеллектуальным и духовным стремлениям. Однако общепринятый моральный кодекс, а также те жизненные обстоятельства, в которых развивались любовные отношения героев Кудрявцева, не позволяли им даже надеяться на счастье. Ситуацию неминуемой безысходности и беды усиливает описание ночного пейзажа, на фоне которого происходило свидание Анны Михайловны и Романа Петровича: «Угрюмо поднимались перед ними вековые великаны, заслоняя собою более половины горизонта. <...> Темнота наступавшей ночи еще больше сгущала их чащу и на позволяла взору проникать далеко в глубину сада. <...> Не правда ли, эта чаша так же темна и непрозрачна, как ваши неясные надежды?» [14, с. 295].

В романе «Кто виноват?» (1847) А. И. Герцен представил не разработанную в русской литературе тему дружбы между мужчиной и женщиной.

Вместе с тем в большинстве произведений 1840-х гг., сюжеты которых включают инновационные любовные мотивы и коллизии, сохраняются традиционные (патриархатные) репрезентации женственности. В патриархатной культуре женское начало воспринимается как пассивное, несамостоятельное, требующее активного воздействия мужского начала. Одной из перманентных идей андроцентричного мироустройства является идея «создания женщины» мужчиной. В этом плане история Любоньки Круциферской предстает как история пробуждения «простой, слабой женщины» под влиянием личности сильного мужчины.

Так, мотив Пигмалиона и Галатеи реализован в повести Ап. Григорьева «Один из многих», включающей три «эпизода», последний из которых имеет недвусмысленное название – «Создание женщины». Для поэтики Григорьева, по мнению исследователей, ключевой является «идея другого человека как зеркала» [15, с. 12]. При этом если герой Григорьева «осознается как инобытие авторского духа», то героиня именно как проекция демиургической энергии мужчины (героя/автора). Взаимопонимание и любовь в отношениях героя и героини могут возникнуть только при условии, если мужчина увидит в женщине «равного себе», т. е. продолжение самого себя, своих представлений, идеалов. Так, Званинцев, герой повести «Один из многих», признаваясь в любви моло-

дой девушке, сказал: «Я могу любить только равное себе. <...> Я люблю тебя, потому что Я тебя создал» [16, с. 419].

Идея создания женщины последовательно воплощена также в тех произведениях, в которых представлен негативный вариант сюжета о женской эмансипации. Так, в жизни псевдоэмансипированных героинь Победоносцева, Плещеева, Тургенева реализован один из наиболее распространенных сценариев существования женщины в патриархальном мире, который условно можно обозначить как мимикрия. Ориентация женщины на андроцентризм, сознательное отстранение от норм женского бытия, предпочтение ценностей мужской культуры хотя и способствует выходу из круга предначертанных для женского пола ролей, тем не менее порождает только видимость свободы и самостоятельности. В действительности этот путь приводит не к утверждению самооценности женской личности, но, напротив, способствует утрате ее индивидуального начала.

Героиня Плещеева из повести «Папироска» считала, например, что женщина может достигнуть освобождения от подчиненности, только следуя мужским, наиболее успешным моделям поведения, и поэтому как «истинно эмансипированная женщина» она «любила ездить верхом, поглощать пахитосы и выпить бокал шампанского на загородном пикнике» [17, с. 156].

Даже Тургенев, много говоривший и писавший о «духовном величии и красоте русской женщины», изобразивший «галерею женских характеров», за что был назван современниками «русским Жорж Зандом», тем не менее также являлся заложником «патриархальных призраков», в том числе мифа о создании женщины мужчиной. В повестях, написанных в 1840–50-е гг., его героини играют традиционно пассивную, зависимую от мужчины роль. Перед своим избранником девушка (например Лиза из «Дневника лишнего человека», Мария Павловна из «Затишья») «благоговеет», а разочарование в нем означает для нее одновременно и разочарование в самой себе и в итоге приводит к «увяданию» и «угасанию».

В отличие от ранних повестей, где женские образы показаны как бы извне, т. е. без раскрытия их внутреннего облика, в произведениях конца 1850–60-х гг. Тургенев тщательно прописывает момент духовного пробуждения, нравственного поиска своих героинь. Так, встреча Натальи Ласунской с Рудиным побудила ее к внутренней работе, к осмыслению своего предназначения, которое начинает видеться ей не только в роли будущей жены и матери, но и помощницы мужа «в великом деле его жизни». Навянные эпохой 1860-х гг. женские образы (например образ Елены Стаховой, героини романа «Накануне») выразили уже иные стремления женщины: к самостоятельности, материальной независимости, к чему-то вне рамок семейного счастья.

Несмотря на то, что героиня у Тургенева нравственно выше и чище героя, писатель подчеркивал, что только благодаря импульсу, исходящему от мужчины, она начинает задумываться о собственном самоопределении, о смысле своей жизни.

Доминантная в патриархальной парадигме идея «лунной зависимости», согласно которой женщина рассматривается в качестве объекта, нуждающегося в воздействии со стороны мужчины, получила своеобразное выражение в сюжетостроении тургеневских текстов. Писатель использует двухчастный принцип в организации сюжета, который также встречается у Панаева, Писемского, Дружинина и др. В первой части обычно изображается безрадостное существование девушки в чуждой ей по духу среде; во второй – повествуется о встрече героини с «деятельным человеком», под влиянием которого она учится анализировать себя, свои отношения с окружающими людьми и в целом пересматривает те ценностные установки, которыми руководствовалась прежде.

Чернышевский оказался в числе первых мужчин-писателей, выразивших критическое отношение к концептам, закрепляющим мнение о слабости, второстепенности женщины по сравнению с мужчиной. Организуя сюжет романа «Что делать?» (1863) также по двухчастной схеме, писатель переосмыслил лежащие в ее основе идейные механизмы, функция которых заключалась в поддержании и сохранении стереотипов о неполноценности женской личности. Прежде всего он попытался разрушить устойчивый художественный принцип взаимообусловленности женской и любовной темы («содержание повести – любовь, главное лицо – женщина»). Современные зарубежные исследователи, например Джо Эндрю (Joe Andrew), пишут о том, что в русской литературе XIX в. женщина всегда изображается в мире чувств и любви, а в качестве двух основных событий, создающих движение женской жизни, выступает замужество и любовь [18, р. 5–6.]. Функционирование в русской литературе этого принципа явилось следствием эссенциалистского восприятия природы женщины как исключительно чувственной и неразрывно связанной с семейно-родовой жизнью. Черты биодетерминизма прослеживаются не только в позиции тех писателей, которые выражали несогласие с идеями женской эмансипации, но и тех, которые являлись активными защитниками женского освободительного движения. А. И. Герцен, например, негодуя на то, что «мир женщины ограничен спальней и кухней», в то же время возможность самореализации женщины связывал с кругом ее природных призваний: «На женщине лежат великие семейные обязанности относительно мужа – те же самые, которые муж имеет к ней, а звание матери поднимает ее над мужем, и тут-то женщина во всем ее торжестве: женщина больше мать, чем мужчина отец; дело начального воспитания есть дело общественное, дело величайшей важности, а оно принадлежит мате-

ри... Мир религии, искусства, всеобщего – точно так же раскрыт женщине, как нам, с той разницей, что она во все вносит грацию, непреодолимую прелесть кротости и любви» [19, с. 352–353].

Чернышевский расширяет сферу «всеобщего» для женщины. Это уже не только «религия», «искусство», «великие семейные обязанности относительно мужа» и материнство, но также и социальная деятельность. Так, Вера Павловна, в образе которой Чернышевский воплотил свои представления о новой, т. е. эмансипированной женской личности, отличается «независимостью» и «самостоятельностью», которых она достигла благодаря участию в социально значимом труде: она дает уроки, работает в швейных мастерских, готовится к медицинской практике.

При этом, однако, сами эмансипированные женщины, например А. Коллонтай, указывали на «схематичность» образа Верочки, не позволяющей «видеть в нем литературный, а тем более жизненный тип» [20, с. 152].

Более или менее последовательно Чернышевскому удалось деструктурировать социокультурный миф о создании женщины мужчиной. Писатель показывает, что его героиня уже до встречи с Лопуховым, «человеком высокого интеллекта», осознавала несоответствие своего мировоззрения тем представлениям о жизни, которые были характерны для ее ближайшего окружения. Более того, Вера Павловна активно отстаивала свои взгляды, бунтовала, боролась с родительским авторитетом. В своем первом муже, Лопухове, героиня обрела не столько покровителя или руководителя, сколько друга, который помог ей «вырваться из подвала», сделать первые шаги в свободной жизни. Новый характер отношений мужчины и женщины Вера Павловна почувствовала уже при знакомстве с Лопуховым, признавшись ему, что он смотрит на нее совершенно иначе, чем другие мужчины: «Вы смотрите прямо, просто. Нет, ваш взгляд меня не обижает» [21, с. 54]. Предложенный Лопуховым фиктивный брак как средство освобождения Верочки от семейного гнета поначалу действительно

был таковым. Но именно доверие и уважение друг к другу сделали их брачные отношения по-настоящему полноценными.

Модели брачно-семейных отношений главных героев романа Чернышевский организует в соответствии с принципами любовной этики, предложенными социалистами-утопистами. Вера Павловна, например, по совету Лопухова внимательно изучила труд В. Консидерана «Destine'e Sociale». С точки зрения «новых людей», любовь помогает им «возвыситься», «умственно и нравственно совершенствоваться». Кроме того, любовь, очищенная от страстей и подчиненная разуму, имеет свойство «расширяться с любимого человека на всех людей». Поэтому, когда в любовных отношениях «новых людей» возникает треугольник (Лопухов – Вера Павловна – Кирсанов), Лопухов самоотверженно идет навстречу счастью своей жены с другим человеком. В прощальном послании он написал: «Я смущал ваше спокойствие. Я схожу со сцены. Не жалейте, я так люблю вас обоих, что очень счастлив своей решимостью. Прощайте» [21, с. 8].

Вместе с тем сюжет романа обнаруживает, что любовная этика «новых людей» не может претендовать на абсолютную гармоничность. В этих отношениях потенциально присутствует элемент предательства, обусловленный принципом свободы в удовлетворении влечений собственной природы. Свобода в любви подразумевает, что в любой момент мужчина или женщина могут разорвать интимную связь, следуя зову своего сердца. Любовные союзы «новых людей», изображенные в романе «Что делать?», существуют как бы вне семейно-родового космоса, обособленно, вне целостности времен (прошлое отброшено, будущее еще сон, мечта). В произведениях Достоевского, Л. Толстого, Лескова, Салтыкова-Щедрина и других современников Чернышевского тема любовная, семейная обязательно соотносится с темой рода, почвы. Достоевский считал, что «социализм (а особенно в русской переделке) – именно трибуна отрезания всех связей» [22, с. 154].

Список литературы

1. Михайлов М. Л. Парижские письма // Современник. 1859. Т. 73. Февраль. Отд. 3.
2. Первое послание апостола Павла к коринфянам: 13, 4–8 // Библия. Книги священного писания ветхого и нового завета. М., 2004.
3. Макашин С. Салтыков-Щедрин. Биография. Т. I. М., 1951.
4. Фурье Ш. Новый хозяйственный мир, или природосообразный социетарный способ действия // Избр. соч.: в 3 т. Т. 3. М., 1954.
5. Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 12. М., 1953.
6. Бразоленко Б. Лекции по истории и литературе. Русская женщина в жизни и литературе. СПб., 1908.
7. Кафанова О. Б. Жорж Санд и русская литература XIX века (мифы и реальность): 1830–60-е гг. Томск, 1998.
8. Шашков С. С. История русской женщины // Шашков С. С. Собр. соч.: в 2 т. Т. 2. СПб., 1898.
9. Богданович Т. А. Любовь людей шестидесятых годов. М., 1929.
10. Скабичевский А. М. История новейшей русской литературы 1848–1903 гг. 5-е изд. СПб., 1903.
11. Павлова И. Б. Тема семьи и рода у Салтыкова-Щедрина в литературном контексте эпохи. М., 1999.
12. Кулешов В. И. Натуральная школа в русской литературе XIX века. М., 1982.
13. Одоевский В. Ф. Княжна Мими // Одоевский В. Ф. Повести. М., 1987.
14. Кудрявцев П. Последний визит // Отечественные записки. 1844. № 9–10.

15. Ковалёв О. А. Проза Ап. Григорьева в контексте русской литературы 30–60-х гг. XIX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1995.
16. Григорьев Ап. Один из многих // Григорьев Ап. Соч.: в 2 т. Т. 1. М., 1990.
17. Плещеев А. В. Папироска // Живые картины. М., 1988.
18. Andrew Joe. Narrative and Desire in Russian Literature, 1822–49: The Feminine and the Masculine. L.: Macmillan, 1993.
19. Герцен А. И. Собр. соч.: в 9 т. Т. 2. М., 1956–1958.
20. Коллонтай А. Новая женщина // Современный мир. 1913. № 9.
21. Чернышевский Н. Г. Что делать? // Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: в 15 т. Т. 11. М., 1939–1953.
22. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 28–2. Л., 1980.

Бурмистрова С. В., кандидат филологических наук, доцент.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, г. Томск, Томская область, Россия, 634050.
E-mail: t-svet2007@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 19.05. 2010

S. V. Burmistrova

LOVE AND FAMILY PROBLEMS IN THE RUSSIAN LITERATURE IN THE MIDDLE OF XIX CENTURY

The article presents an analysis the Russian literature 1840-60 in the context of philosophical ideas about the love and marriage. The author views the construction of plot in the general and marginal texts of the literary process of XIX century.

Key words: *gender research, feminism, patriarchal mentality, philosophy of gender, dialog of culture, comparative analysis, belles-lettres.*

Tomsk State Pedagogical University.
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Tomskaya oblast, Russia, 634061.
E-mail: t-svet2007@yandex.ru